

ЛАДО ГЕДИМИНОВИЧ

ТАРАНТУЛ

Ладо Гедиминович Тарантул

<https://litres.ru/74645799>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сорок лет я познавал силу природы, будучи Великим Мастером боевых искусств, но погиб, спасая друга. Вспышка — и я очнулся в теле Тимура Юсупова, нищего бастарда, которого прямо сейчас втаптывают в грязь в туалете элитного Лицея.

Сытые мажоры из рода Нарышкиных думали, что я сломлен и раздавлен? Великий клан Шуйских уверен, что наш Род навсегда стерт из истории? Они жестоко просчитались. Во мне проснулся ледяной Тарантул, а моя магия — упрямый Росток, способный найти микротрещину в любой элитной броне и разорвать бетон их фальшивой власти изнутри.

Я подчиню себе Заброшенный Сад, на моих условиях выбью контракты у хитрых гномов и завоюю сердце ледяной княжны Насти Вяземской. Вы думали, я никто? Пощады не будет никому

Творческий дуэт-проект Ладо (Человека) и Gemini (Голоса Google). История о неотвратимой Справедливости.

Содержание

ТАРАНТУЛ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Ладо Гедиминович Тарантул

Название: ТАРАНТУЛ

Автор(-ы): Ладо Гедиминович

Ссылка: <https://author.today/work/671116>

ТАРАНТУЛ

Ладо Гедиминович

ТАРАНТУЛ. Том 1. Сила Ростка

Пролог. Выбор Мастера

Огонь пожирал рисовую бумагу ширм с голодным, сухим треском. Дым, горький и тяжелый от горящего бамбука и лака, заполнял главный зал додзё. На полированном деревянном полу, который Мастер сорок лет шлифовал босыми ногами, сегодня текла кровь. Кровь его лучших учеников, которые легли прямо у порога, до последнего вздоха защищая школу от безликих наемников в черных тактических масках.

Мастер стоял в самом центре полыхающего зала. Ему было далеко за sixty, но сейчас, в полумраке, сквозь который прорывались языки пламени, его фигура казалась вылитой из древней бронзы. На нем были простые белые штаны для тренировок, уже пропитавшиеся копотью и кровью — чужой и своей собственной.

— Вы пришли за наследием? — голос Мастера прозвучал удивительно тихо, но он перекрыл гул пожара. — За свитками внутреннего круга?

Их оставалось пятеро. Профессиональные ликвидаторы,

вооруженные короткими штурмовыми клинками. Они не отвечали. Они знали, с кем имеют дело. Настоящие убийцы не разговаривают с мертвецами.

Старший из наемников сделал едва заметный знак рукой, и трое одновременно ринулись вперед. Сталь блеснула в багровых отсветах пламени.

Мастер не сдвинулся с места. Он лишь прикрыл глаза, делая глубокий, плавный вдох. В этот последний момент его сорокалетний опыт боевых искусств сошелся в одну звенящую точку. Земной мир вокруг него перестал быть набором предметов — он стал потоком энергии, ритмом, музыкой смерти.

Стиль Змеи.

Первый клинок должен был распороть ему горло, но Мастер текучим, невероятным движением сместил ось тела всего на пару сантиметров. Лезвие со свистом рассекло воздух, а ладонь Мастера, сложенная лодочкой, уже мягко, словно лаская, легла на локоть нападавшего. Короткий, взрывной импульс от бедра — и кости врага внутри сустава превратились в крошево. Наемник даже не успел вскрикнуть, как Мастер, используя инерцию его падения, крутанулся на пятке, уходя от второго удара.

Стиль Тигра.

Шаг в сторону, перехват чужой руки — и пальцы Мастера мертвой хваткой впились в горло второго убийцы. Смертоносный, страшный рывок. Двое готовы. Оставшиеся наем-

ники испуганно отпрянули, понимая, что забрели в логово к живому богу войны. Мастер мягко перетек в следующую стойку, готовый закончить этот танец за пару секунд...

И вдруг в этот идеальный смертоносный ритм вмешался чужой, отчаянный звук.

Из-за горящей ширмы, обезумев от дыма и огня, выскочил старый одноухий трехцветный кот — любимец всей школы, которого Мастер еще котенком подобрал на улице. Кот, ничего не видя перед собой, с диким мявом бросился наперерез, подставляясь прямо под замах тяжелого штурмового клинка третьего наемника.

Времени на размышления не было. Вообще.

Мастер мог завершить свой коронный выпад, оборвать жизнь последнего убийцы и победить в этой схватке, но тогда тяжелое лезвие наемника по инерции рассекло бы кота пополам.

Великий Мастер сделал единственный возможный для себя выбор. Он резко, ломая собственную траекторию, рванул тело назад. Его позвоночник изогнулся под неестественным углом, пропуская мечущийся пушистый комок между ног, прямо к спасительному разбитому окну. Кот ушел. Живой и невредимый.

Но за эту секунду абсолютного милосердия пришлось заплатить. Мастер полностью раскрылся, потерял баланс, и клинок наемника вошел глубоко под ребра — туда, где защита была снята ради спасения маленькой жизни.

Наемник торжествующе оскалился, думая, что победил. Но взгляд истекающего кровью старика остался леденящим и глубоким, как бездна. Мастер улыбнулся окровавленными губами, мертвой хваткой перехватил запястье врага, не позволяя вытащить сталь, и своей свободной рукой — жестким, прямым ударом «Клюва Журавля» — пробил тактическую маску убийцы вместе с носовой костью прямо в мозг.

Они рухнули вместе на горящие доски пола.

Дым заволакивал потолок. Мастер лежал, чувствуя, как тепло покидает его изранненное тело. Но на губах его застыла спокойная, хищная усмешка. Он уходил непобежденным. Его никто не одолел. Он просто спас друга.

«Если есть высший суд... — подумал Мастер, закрывая глаза. — Дайте мне еще один шанс. Позвольте мне просто закончить этот танец».

Тьма сомкнулась над ним. Глухая, абсолютная. А в следующую секунду эта тьма взорвалась дикой, судорожной болью...

Глава 1. Истинный Тарантул

Сначала перестал видеть правый глаз. Затем — левый. А потом выключилось сознание, и вместе с ним ушла испепеляющая боль горящего додзё Земли. Резкое пробуждение было похожим на пощечину.

Я лежал на каменном полу. Мокрый, замерзающий. Пер-

вым в зарождающееся сознание вернулся источник вони: чужие испражнения, застарелая грязь, заплеванной кафель. В воздухе царила глухая, омерзительная анархия, оставленная людьми, полностью наплевавшими на гигиену.

Рядом крутились людишки. По возрасту — чуть постарше или примерно одногодки того человечка, внутри которого я сейчас оказался. Я попытался пошевелиться и внутренне содрогнулся: неимоверно слабое, тщедушное тельце. Абсолютно неразвитое, инфантильное тело, лишенное малейшего намека на мышечный корсет. И этим мне предстояло прожить подаренную вечностью новую жизнь?

Впрочем, я никогда не спорил с вечностью. Сорок лет на Земле я отдал изучению боевых искусств, познанию власти над плотью, древним танцам и повадкам животных. Высшей целью моего пути было изучение повадок растений — их абсолютного, смертоносного покоя, но земная жизнь оборвалась. А здесь всё обретало новый, пугающий смысл.

Смысл сейчас был предельно сжат. Тот, кем я стал, только что был жестоко, эталонно унижен в лицейском туалете. Большого позора я не припомнил бы даже в той, прошлой жизни. Личность, появившаяся в ослабленном, некогда великом и грозном Роду Юсуповых, сейчас распласталась в жидком месиве на грязном полу. Для прежнего владельца тела смерть здесь стала бы логическим завершением. Потому что за дверью этого туалета его ждал сущий кошмар — позор на всю оставшуюся жизнь. Пожизненное клеймо. Аб-

солютно немотивированное и незаслуженное.

Пока подросток внутри меня окончательно умирал, мой разум уже жестко, по-хозяйски осваивался в его нервных узлах. Единственным выходом в эту секунду было стать тарантулом.

Моё тело на мокром кафеле подало первые признаки жизни. Сначала пришли в движение ноги, затем — руки. Я встал на четвереньки. Но не как собака, не как побитый пёс. Как истинный паук-тарантул, затаившийся в засаде. Я должен был вонзить в них клыки. Опыт подсказывал, что сделай я это в полную силу — для моих оппонентов наступит мгновенная смерть. Но это тело было слишком слабым для тюрьмы.

Поэтому я лишь коротко, неуловимо коснулся пальцами ахиллова сухожилия одного мажора, а затем — подколенной чашечки другого. Два резких, точечных импульса. Оба парня с воплями рухнули в то же жидкое месиво, в котором лежал я. Наши лица встретились на одном уровне.

Я посмотрел на лидера — Глеба Нарышкина. Мой голос прозвучал пугающе спокойно, без капли юношеской истерики:

— Ты запомнишь это на всю свою жизнь. И всю жизнь будешь об этом жалеть. Лучше бы ты заболел и не пошёл сегодня в школу, Нарышкин. Лучше бы тебе просто позорно убежать прямо сейчас — да, над тобой будут смеяться, но это будет лучшим исходом, чем то, что ждет тебя, если ты

задержишься здесь еще хоть на минутку.

Мой противник ничего не понял из сказанного. Вернее, в его расширившихся глазах я прочитал отчетливое: «Ты мне указываешь, тварь?» В нем вскипела спесь мажора, привыкшего давить слабых.

Я не стал слушать его мысли. Просто взял Нарышкина за волосы, впечатал лицом в кафель и с силой провел вперед. Я просто вымыл пол этого туалета его лицом.

Его сподвизники, сопливые приспешники, позорно бросились к выходу. Всё происходило как в замедленной, старой киносъемке. Дверя туалета приоткрылась, и из коридора в щель заглядывали девчонки-первокурсницы. Они видели весь этот позор. Нарышкин был уничтожен socially.

Дотасив его за волосы до двери, я остановился. Его лицо превратилось в кровавое месиво из царапин, из расквашенного носа хлестала кровь, а в глазах застыл животный, неопиcуемый ужас перед неизвестным чудовищем, которое только что проснулось в теле Юсупова.

Последний из убегающих подельников Нарышкина почти проскочил в коридор, но я остановил его одним резким, хлестким движением руки. Поймал за воротник, швырнул обратно и приложил затылком о стену.

— Ты заберёшь его домой, — негромко приказал я, глядя в побелевшее лицо парня. — Чтобы никто больше не видел его позора в школе. Тех, кто уже увидел, вполне достаточно.

Я кивнул на окно:

— Открой.

Он, дрожа всем телом, кинулся к раме и рванул её на себя. За окном туалета первого этажа расстился глухой задний двор Лицея.

Я перехватил обмякшего Нарышкина и одним резким, мощным взмахом выбросил его тело через оконный проем, в кусты. Повернулся к оставшемуся шестерке и гаркнул так, что у того подогнулись колени:

— Уходите! Домой!

Парень рыбкой выскочил в окно следом за своим господином. Я остался один. Поправил на тощих плечах грязный, мокрый мундир. Попытался оттереть руки. И спокойным, размеренным шагом мастера, выходящего на сцену, толкнул дверь в коридор.

Я вышел в коридор Лицея абсолютно мокрый. На меня смотрело около сотни глаз. Весь этаж замер в мертвой, звенящей тишине. Одноклассники, старшекурсники, те самые девчонки... Я шел медленно, держа спину ровно. Я успел посмотреть в каждое лицо из этой сотни. И в каждом из них я прочитал ровно то, что мне было нужно: первобытный, зарождающийся страх. Тарантул вышел на охоту.

Глава 2. Этикет выбитых зубов

Я шёл по коридору, оставляя за собой цепочку мокрых грязных следов. Обувь хлюпала, насквозь пропитанный туа-

летней жижей мундир неприятно лип к телу. Постепенно звенящая тишина этажа сменилась шепотом, который змеиным шуршанием полз мне в спину.

Внутренний голос — остатки памяти прежнего Тимура — испуганно лепетал в моем разуме: «Что ты делаешь? Ты сейчас всё разрушишь! Твой привычный мир рухнет в одночасье! Вспомни, сколько пришлось унижаться твоим родным, чтобы ты мог просто находиться здесь, в элитном Лицее. Сколько высокомерных взглядов выдержать!»

Я рассмеялся. Мягко, едва заметно, одними уголками губ. Глупый мальчик. Всё уже было разрушено до меня. Разрушено не моими руками, а теми, кто позволял втаптывать остатки Юсуповых в грязь. Хуже уже не будет.

Тяжелая дубовая дверь кабинета директора встретила меня золоченой табличкой. Я коротко, уверенно постучал и, приоткрыв её, спросил:

— Можно ли мне войти?

— Да-да, входите, — донесся из глубины просторного помещения недовольный, сухой голос.

Кабинет графа Михаила Игнатьевича Воронцова дышал дорогой кожей, старым коньяком и элитным табаком. Сам директор — грузный мужчина с седыми висками и суровым лицом бывшего боевого генерала — сидел за массивным столом, просматривая бумаги. Когда он поднял голову и увидел меня — насквозь мокрого, капающего грязной водой прямо на его безупречный персидский ковер, — его брови пополз-

ли вверх, а на лице отобразилось брезгливое недоумение.

Я не дал ему вставить ни слова. Сделал шаг вперед и обратился со всей вежливостью, на которую был способен мой сорокалетний разум:

— Уважаемый Михаил Игнатьевич! Только что мной хотели вымыть пол в мужском туалете. Надеюсь, этот инцидент будет последним в стенах данного заведения. Я очень надеюсь, что вы примете жесткие меры для того, чтобы подобное не случилось никогда. Чтобы в этой школе мы имели возможность учиться и думать о знаниях, которые мы здесь получаем, а не о том, как выжить. Мой обидчик уже понёс заслуженное наказание, и вы об этом скоро узнаете. Знаю, вам это очень не понравится. Но я обращаюсь к вам с просьбой навести порядок в этой сфере. Потому что если порядок не наведете вы... его наведу я.

На секунду в кабинете повисла такая тишина, что было слышно, как капли воды с моего рукава глухо бьются о ковер. Лицо Воронцова медленно наливалось багровым гневом. Он резко поднялся со своего кресла, опершись кулаками о стол. Магическая аура ранга «А» тяжелой, ледяной волной прижала меня к полу, заставляя слабое тело Юсупова дрожать. Но мои глаза оставались спокойными.

— Послушай ты, тля театральная! — выплюнул директор, и в его голосе прорезался командирский рык. — Как смел ты явиться ко мне в таком виде, минуя своего классного руководителя?! Твои родственники на коленях передо мной пол-

зали, чтобы я взял тебя сюда учить уму-разуму! Чтобы ты хотя бы попытался понять, как нужно вести себя с людьми, которые выше тебя. И по общественному положению, и по магическому рангу!

Я выдержал этот ментальный удар ауры. Слегка расправил плечи, делая глубокий выдох через нос, успокаивая бешено заколотившееся сердце подростка.

— Михаил Игнатьевич, я выражаю вам огромную признательность от лица всего рода Юсуповых — когда-то знаменитого и великого рода. Я искренне благодарю вас за то, что вы пошли навстречу моим родным и дали мне шанс учиться в этом прекрасном заведении. Именно поэтому с сегодняшнего дня я с ещё большим, тщательным рвением буду относиться к порядку в этом Лицее. Чтобы ничто и никогда больше не запятнало его репутацию. А если хоть какая-то тварь посмеет уронить тень на этот Лицей... она будет иметь дело лично со мной. Если, конечно, вы оставите меня здесь. А если нет — что ж, вы найдете во мне заклятого врага. Ибо я верю, что сердце ваше справедливо, Михаил Игнатьевич.

Граф Воронцов медленно опустился обратно в кресло. Ледяное давление его маны исчезло, сменившись тяжелым, оценивающим недоумением. Он смотрел на меня так, словно у нищего бастарда Юсупова за секунду выросла вторая голова. В моих словах не было формального нарушения этикета — я был вежлив и благодарен, но суть была чистейшим вызовом.

— Вон отсюда, Юсупов, — тихо, но уже без прежней ярости произнес директор, устало потирая переносицу. — Приведи себя в порядок. О твоём будущем я приму решение после того, как во всем разберусь.

— Благодарю, Михаил Игнатьевич, — я коротко поклонился, развернулся и, хлюпая мокрыми кроссовками, вышел вон, аккуратно прикрыв за собой дверь. Первый раунд остался за мной. Генерал дрогнул.

Глава 3. Форма не по размеру

До каморки общежития идти было слишком далеко — через весь лицейский парк, а уроки еще не закончились. Сидеть на занятиях в мокрой, воняющей туалетом форме означало проявить слабость. И я принял решение. Мои хлюпающие кроссовки повернули в сторону крытого спортивного манежа.

Там, среди матов и тяжелых снарядов, обитал Иван Прохорович Громов — лицейский физрук. Огромный, как платяной шкаф, отставной гвардейский майор с грубым лицом и шрамом через всю левую щеку, он обладал прямолинейным характером и тяжелым кулаком.

Когда я толкнул дверь в его тренерскую, Громов пил чай из огромной кружки. Увидев меня — насквозь мокрого, худого бастарда Юсупова, с которого на чистый линолеум стекала грязная жижа, — он едва не поперхнулся.

— Юсупов? Это что еще за явление Христа народу? — Прохорович нахмурился. — Тебя что, в унитазе топили?

— Пытались, Иван Прохорович, — спокойно ответил я, останавливаясь у порога. — Но в процессе выяснилось, что пол в туалете грязный. Пришлось Нарышкиным его вымыть. Лицом.

Физрук замер с кружкой у рта. Его маленькие, пронизательные глаза гвардейца сузились, сканируя меня. Он явно уже что-то слышал по лицейской связи, но моя ледяная уверенность заставила его удивиться еще сильнее. Обычный Тимур перед ним всегда заикался.

— Нарышкиным, говоришь?.. — Громов медленно поставил кружку на стол. — Ладно. С этим пусть Воронцов разбирается. Ты чего пришел-то? Грязь мне тут разводить?

— Мне нужна сухая одежда, чтобы вернуться на занятия. Форма уничтожена. Поможете?

Физрук хмыкнул, поднялся во весь свой двухметровый рост и подошел к железному шкафу в углу.

— Твоего размера у меня нет, Юсупов. Ты у нас... тонкой душевной организации. Держи вот, из старых запасов. Спецовка для хозработ.

Он швырнул мне серую хлопковую футболку и такие же тренировочные штаны на завязках. Вещи были огромными, рассчитанными на здорового десантника.

Я молча переоделся прямо там, за ширмой. Когда я вышел и посмотрел в зеркало, на меня глядело комичное и од-

новременно жуткое зрелище. Огромная футболка свисала с моих костлявых плеч, как балахон, полностью скрывая тощую грудь. Штаны пришлось затянуть на талии мертвым узлом, и они позорно пузырились на коленях. Мои тонкие запястья и шея казались на фоне этой одежды совсем веточками. Я выглядел как нищий оборванец, как самый тщедушный и слабый подросток во всем Лицее.

Громов посмотрел на меня, и в его глазах проскользнула жалость, смешанная с недоумением.

— Ну и чучело... Засмеют же, Юсупов. Может, в медпункт ляжешь? Отлежишься?

— Нет, Иван Прохорович, — я хладнокровно расправил плечи под этим огромным серым мешком ткани. Подбородок приподнялся, а взгляд сорокалетнего мастера боевых искусств пригвоздил великана-физрука к месту. — Пусть смотрят. Пусть запомнят меня именно таким. Хрупким. Тщедушным. Слабым.

Я шагнул к двери, и Громов невольно сделал полшага назад, уступая дорогу. Он, боевой маг с огромным опытом, вдруг кожей почувствовал то, чего не видели другие. В этом маленьком, истощенном тельце сейчас билось огромное, яростное сердце и обитал беспредельный, древний дух, который плевать хотел на размеры одежды и ранги.

— Спасибо за форму, — бросил я через плечо. — Через год я верну её вам. И поверьте, она будет мне впору.

Я толкнул дверь и пошел обратно в учебный корпус. Я на-

меренно возвращался в класс в этом нелепом сером балахоне. Мне нужно было, чтобы вся эта сотня сытых, надменных лицейских глаз увидела этот контраст. Чтобы они запомнили меня «нолем». Потому что когда этот «ноль» начнет ломать их идеальный мир, им будет гораздо больнее.

Глава 4. Искры в небесах

Я вернулся в класс, когда урок географии уже шел полным ходом. Но стоило тяжелой двери скрипнуть, как никто в кабинете больше не думал о географии. Десятки пар глаз уставились на меня. В этих взглядах читалось всё: от дикого изумления до искренней, липкой жалости.

Но для меня сейчас имело значение только одно. Взгляд её.

Анастасия Вяземская смотрела на меня, отчаянно пытаясь заставить себя презирать то жалкое зрелище, которое я из себя представлял в этом нелепом, пузырящемся на коленях спортивном костюме великана. Но я видел, какая буря бушевала в её безупречно чистом сердце. Настя не понимала, как теперь ко мне относиться. Кто я теперь для неё?

Раньше я был никем. Бастардом. Пустым местом. Если я и ловил её взгляды, то лишь надменные, изредка сменявшиеся снисходительной улыбкой, пока она замороженно смотрела на холеного Нарышкина. Теперь всё перевернулось. Всё, что Настя узнала за последние сорок минут, взорвало её привыч-

ный мир.

За стенами Лицея уже вовсю гремели тектонические сдвиги. Влиятельные покровители Нарышкина обрывали телефон директору Воронцову, приказным тоном требуя немедленно исключить меня из Лицея. И как же хорош был старый генерал-директор, который отрезал им в ответ: «Если я исключу Юсупова сейчас, это станет еще большим, несмысленным позором для вашего драгоценного отпрыска». Прямо сейчас Кланы замерли в парализующей нерешительности. Арестовать нищего оборванца Юсупова за то, что он голыми руками вымыл пол туалета лицом их наследника-мага? Это значило подписать Нарышкину пожизненный приговор позора на всю Империю.

И самой нерешительной в этом классе выглядела Настя. Её сердце не могло так просто прилипнуть ко мне. В этом дурацком сером мешке физрука я выглядел слишком нелепо. Но каждый раз, когда наши взгляды пересекались, между нами случались искры. И вспыхивали они не здесь, в душном классе, а там, в вышине. Где рождаются новые миры.

Прозвенел звонок. Уроки на сегодня закончились. Ужасно хотелось пить — сказывалось напряжение перестройки энергетических каналов. Я вышел в коридор, подошел к автомату и взял холодную баночку Пепси. Шум шагов за спиной заставил меня обернуться.

Настя стояла рядом, скрестив руки на груди.

— Не угостишь даму глоточком, мальчишка-плохиш? —

с напускным высокомерием спросила она.

Я молча нажал на кнопку еще раз, покупая для неё вторую баночку, и протянул ледяную жёсть княжне.

— И что ты теперь будешь делать, Юсупов? — Настя сделала глоток, пристально глядя на меня. — Ты вообще понимаешь, с кем ты связался? Тебя же просто уберут. Уничтожат.

Я мягко, сниспитательно улыбнулся ей:

— Я боюсь совершенно другого, княжна.

— И чего же? — она удивленно приподняла бровь.

— Что теперь меня поставят на пьедестал.

Настя поперхнулась, её серые глаза вспыхнули ледяной яростью.

— Кто тебя поставит на пьедестал, урод?! Хотя бы от меня ты этого точно не дождешься!

С диким стуком она швырнула баночку Пепси прямо мне под ноги. Темная газировка брызнула на грязный линолеум. Я не шелохнулся. Я просто рассмеялся — тихо, искренне и хладнокровно. Настя, уже собиравшаяся уйти, резко развернулась, тяжело дыша от возмущения:

— Чему ты радуешься? Чему ты вообще улыбаешься, придурок?! Ты не понимаешь, насколько ты сейчас смешон и жалок в этом тряпье?

— Я знаю, — спокойно ответил я, делая шаг к ней и заставляя ледяную княжну отступить на полшага назад. — Поэтому я очень удивлен. Чем же всё-таки я тебя так сильно

зацепил, Настя? Не тем ли, что ты почувствовала во мне... совершенно другого человека?

Она растерялась, её высокомерная маска дала глубокую трещину.

— В смысле... другого человека?

— В том смысле, — я посмотрел на неё взглядом мужчины, который видел, как сгорают цивилизации, — что я — единственный человек во всем этом Лицее, кто, несмотря на всю твою спесь, твои слова и твой статус, прямо сейчас скажет тебе в глаза: ты мне нравишься. Да, я знаю, что ты нравишься каждому сопляку в этих стенах. Но никто из них ни разу не посмел сказать тебе это открыто. Даже твой ненаглядный пижон Нарышкин. А я говорю. Ты мне нравишься, Анастасия.

Она вспыхнула до корней своих платиновых волос, в глазах отразился настоящий шок.

— Да пошел ты, Юсупов! — выдохнула она, резко развернулась и почти бегом бросилась прочь по коридору.

В эту же секунду над этажом залился звонок. Я посмотрел ей вслед, чувствуя, как внутри моего нового ядра ворочется хищный, довольный таранул. Ну, я всё понял. Беги, княжна, беги. Ты всё равно будешь моей.

Глава 5. Время Сахары и Приглашение

Сначала пошел дождь. Тяжелый, сентябрьский ливень с

грозой, как и полагается, когда старый мир рушится до основания. Небо разверзлось — сперва в моем собственном сознании, а затем и над крышей полузаброшенного, заложенного за долги родового флигеля Юсуповского поместья. Небо плакало, и я буквально упивался этими слезами. В ту минуту мне нестерпимо хотелось намертво обнести мою истерзанную душу бетонной, пуленепробиваемой стеной. Чтобы ни одна тварь больше не могла дотянуться до меня со своим злым умыслом.

И в этот момент я увидел его. Взгляд Тарантула. Он смотрел прямо из моего сердца, пронизывая мою душу насквозь. Это был взгляд, полный запредельной, древней мудрости и... абсолютного, ледящего равнодушия к чужой боли.

Наступило время Сахары. Зной пустыни за секунду выжигает во мне все оставшиеся инфантильные, младенческие крохи. Всё то, что прежний Тимур так и не смог сепарировать от родителей. Это навеки рушилось здесь и сейчас. Древние бастионы, построенные жертвенностью моих предков, превратились в пыль. Я остался голым духовно.

Я сидел на жестком полу в позе лотоса. Медитация в моем понимании всегда была глубоким, безжалостным размышлением. Я понял: нужно искать не защиту. Нужно искать силу, которая прорвет этот бетон. Немыслимую силу Ростка, который находит микротрещины в бытии, чтобы разорвать суету и рутину, в которой задыхается это сытое общество кланов.

Самое страшное в Тарантуле — это не его отработанные

удары, не клыки и не яд. Самое страшное — то, что он просто есть. Его появление само по себе рождает первобытный ужас. И это мне необходимо было победить в самом себе, выжечь страх, душивший мальчишку все эти годы.

Дыхание и напряжение. Расслабление и снова глубокий вдох. Два часа изнурительной, безжалостной терапии дыхания. Тело то сжималось в стальную пружину, то обмякало. Когда я закончил, мышцы изнывали от адской боли — вегетарианское, неразвитое тельце подростка оказалось совершенно не готово к мастерским нагрузкам. Я перестарался. Я уже готов был лезть на стену, когда в сознании сухо пророкотал властный голос Тарантула: «Успокойся». Мана в меридианах улеглась. Я потихоньку приходил в норму.

В дверь негромко постучали. В каморку вошел дед — старый, прикованный к креслу князь Юсупов. Впервые он видел внука в такой жесткой, негибкой позе лотоса. Дед молча подошел, тронул ладонью мою влажную голову и спокойным, усталым голосом произнес:

— Нарышкин приехал. Стоит у ворот. Просил передать тебе вот это. Он бледен, руки дрожат. Заходить в дом откровенно побоялся.

Старик протянул мне плотную, дорогую карточку из тисненой бумаги с золотым тиснением. Герб рода Нарышкиных.

Я открыл конверт. Внутри лежало официальное приглашение на закрытый вечер Лицея в главном загородном особняке Нарышкиных, который должен был состояться завтра

вечером. Якобы в знак нашего «публичного примирения и укрепления союзнических связей». Мажоры хотели замять туалетный скандал перед лицом высшего света Империи, разыграв красивую карту великодушия.

Я услышал, как за окном взревел мотор дорогой машины — Нарышкин-младший торопливо уезжал, так и не решившись встретиться со мной лицом к лицу. Но мой взрослый разум, разогнав волны маны, догнал его сознание уже у самых ворот и властно ударил в затылок мыслью: «Я приду, Глеб. Я обязательно приду на ваш вечер. Но это будет шоу по моим правилам».

Я поднял взгляд на деда и хищно улыбнулся под своим серым балахоном:

— Ну что ж, Патриарх. Нарышкины зовут нас в гости. Нам ли отказываться от хорошего вечера? Начинать собирать информацию по их усадьбе. Завтра Тарантул нанесет им ответный визит.

Глава 6. Кинотеатр Нарышкиных и Родовые трофеи

Закрытый вечер в роскошной загородной усадьбе Нарышкиных был в самом разгаре. Огромный зал блистал хрусталем, дорогими шелками и бриллиантами высокородных гостей. Вся элита Лицея и представители Тайной Канцелярии собрались здесь. Настя Вяземская в изысканном вечернем платье стояла у колоннады, бледная, напряженная. Она то

и дело бросала испуганные, полные тревоги взгляды в мою сторону. Княжна кожей чувствовала, что мажоры готовят ловушку. Я же, несмотря на косые взгляды аристократов, чувствовал себя абсолютно спокойно, лениво попивая сок у фуршетной стойки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.